РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2018 – № 2

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ
ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
POLITICAL PARTIES
OF EUROPEAN COUNTRIES**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2018

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №2 / 2018**

«Агентство научных изданий»

2018

УДК 327.8
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №2 / 2018 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2018 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Рассматриваются особенности партийных систем в странах Западной Европы и России в XXI столетии. Анализируются изменения структуры политического пространства и новые тенденции в партийном строительстве. Исследуются особенности избирательных кампаний последних лет.

УДК 327.8
ББК 66.2

© Коллектив авторов, 2018
© Агентство научных изданий, 2018

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	6
«Восстание против элит»: Всплеск праворадикального популизма в Западной Европе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Актуальные проблемы Европы № 2 / 2018

Сведения об авторах

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН.

Belinskii A.V. – researcher, INION RAS, Ph.D. (Politics). (belinskii_andrei@mail.ru)

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Gordon A.V. – principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (gordon_alexandr@mail.ru)

Зонова Татьяна Владимировна – доктор политических наук, профессор МГИМО МИД России.

Zonova T.V. – professor in MGIMO University, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (zonova-tatiana@mail.ru)

Ковалев Игорь Георгиевич – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Kovalev I.G. – professor in National Research University «Higher School of Economics», Doctor of Historical Sciences (Sc.D. in History). (ikovalev@hse.ru)

Коргунюк Юрий Григорьевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, зав. отделом политологии Фонда развития исследовательских программ «Информатика для демократии».

Korgunyuk Yu.G. – leading researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics), INDEM Foundation (Political Science Department). (partinform@mail.ru)

Кутырев Георгий Игоревич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, старший преподаватель РГГУ.

Kutyrev G.I. – senior researcher, INION RAS, Senior Lecturer Russian State University for Humanities, Ph.D. (Politics). (kutyrevgeorge@gmail.com)

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Lapina N.Yu. – principal researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (lapina_n@mail.ru)

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Ljubin V.P. – leading researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (valerij.ljubin@gmail.com)

Хенкин Сергей Маркович – доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Khenkin S.M. – professor in MGIMO University, leading researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (sergkhenkin@mail.ru)

Шмелёв Дмитрий Викторович – доктор исторических наук, профессор Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ).

Shmelev D.V. – professor in Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (dmitryShmelev@mail.ru)

Введение

Закончилась историческая эпоха, когда у власти в Западной Европе чередовались, сменяя друг друга, традиционные партии, политические карьеры делались в течение десятилетий, а партийный аппарат определял, кто будет представлять партию на выборах. В настоящее время традиционные партии переживают кризис, несистемные приобретают статус системных, в ряде государств, где на протяжении десятилетий действовала двухпартийная система, формируется многопартийность. В обществе растет разрыв между обществом и властью, сформировался запрос на новые лица в политике. Результаты выборов становятся неожиданными, эксперты всё чаще определяют их как «невиданные» и «беспрецедентные».

Избрание 39-летнего Эмманюэля Макрона президентом Франции показало, что в наше время можно стать главой государства, не имея за спиной поддержки сильной политической партии, а за плечами опыта пребывания на выборных должностях и даже не будучи известным политиком. Феномен Макрона не является исключением. В большую политику в западноевропейских странах приходят молодые динамичные люди. На досрочных парламентских выборах в Австрии (октябрь 2017 г.) победила Австрийская народная партия, а канцлером стал самый молодой, когда-либо занимавший этот пост политик 31-летний Себастьян Курц, до этого в 27 лет он стал самым молодым министром иностранных дел. В Италии заместителем председателя палаты депутатов является ровесник австрийского канцлера – Луиджи Ди Майо. В «Движении 5 звезд» его рассматривают как возможного кандидата на пост премьер-министра. В ФРГ одним из наиболее перспективных политиков считается 37-летний Йенс Шпан – в прошлом заместитель министра финансов и, как считают в Христианско-демократическом союзе, возможный преемник Ангелы Меркель.

Потребность в смене элит возникала и прежде – бурная история Европы XX в. тому свидетельство. В конце 1960-х годов недоверие к политическим институтам и элитам захлестнуло часть западного общества. В отличие от событий последней трети XX в. в настоящее время отторжение представителей правящего класса приобретает массовый характер. Потребность в смене правящих элит или, по меньшей мере, радикальном обновлении их политического представительства возникла не случайно.

Во-первых, в основе новых политических тенденций – сдвиги в социальной структуре общества, происходящие под влиянием глобализации. В 1980–1990-е годы в западном обществе на глобализацию смотрели с надеждой и оптимизмом. Однако уже к началу 2000-х годов проявились последствия глобализационных сдвигов, которых никто (или почти никто) не ожидал. В новом мире традиционная социальная структура, для которой характерно деление на рабочий класс, буржуазию и средний класс, разрушается; размежевание происходит не между классами / социальными группами, а внутри них по линии адаптированности / неадаптированности к глобальным переменам.

«Проигравшими» от глобализации становятся не только неквалифицированные или малоквалифицированные работники физического труда, но и представители буржуазии, индивидуальные предприниматели, представители средних классов, интеллигенция. Глобализация и иммиграционные волны, захлестнувшие Европейский континент в последние пять лет, у широких слоев населения порождают чувство страха. Люди перестали узнавать мир, в котором привыкли жить, и не находят своего места в том, который приходит ему на смену. У них, считает болгарский политолог Иван Крастев, социокультурная тревога выражена сильнее, чем страх потерять работу. Исчезновение привычного мира вызывает у людей «моральную панику»¹, порождает чувство наступающей катастрофы. В европейском обществе растет недо-

¹ Цит. no: Krastev I. Pourquoi tout a changé // L'Obs. – P., 2017. – 15–21 juin, N 2745. – P. 92.

верие к традиционным политическим партиям, которые не в состоянии защитить людей от «несчастливой глобализации».

Во-вторых, в условиях интеграции в рамках Европейского союза происходила частичная утрата его членами национального суверенитета. Конкуренция европейских стран с быстро развивающимися экономиками Китая и Индии заставляет их сворачивать государственные расходы в социальной сфере, вводить непопулярные меры жесткой экономии. У одних людей это приводит к снижению общественного доверия к государственным и политическим институтам. У других – возникает желание вернуться в «утраченный рай», в котором существовало сильное государство, которое шло навстречу требованиям своих граждан, проводя активную социальную политику.

В-третьих, в последние три десятилетия многие традиционные политические партии попытались расширить свою социальную базу. Социалистические и социал-демократические партии с 1990-х годов переориентировались со своей традиционной базы – рабочего класса – на средние городские слои, заявив о себе как о партиях, которые отстаивают интересы всего населения. Одними из первых на этот путь ступили английские лейбористы во главе с Тони Блэром и немецкие социал-демократы во главе с Герхардом Шрёдером. В начале XXI в. к ним присоединились французские социалисты. Однако новая стратегия не оправдалась, поскольку социальная структура общества изменилась, средние слои стали более фрагментированными и многие их представители утратили прежний социальный статус. Размывание среднего класса стало подлинной трагедией для традиционных левых и левоцентристских партий, многие из которых в европейских странах оказались на грани выживания.

На этом неблагоприятном фоне окрепли праворадикальные и леворадикальные популистские партии и движения, которые обещают «остановить время»² (статья А.В. Белинского). Для многих европейцев голосование за популистов стало формой протестного голосования, кто-то поддерживает их из идеологических соображений. Последние выборы в странах Западной Европы свидетельствуют о росте их популярности. Этим вопросам в выпуске журнала уделяется большое внимание. Укрепление позиций правых радикалов в странах Западной Европы способствовало общему сдвигу политического спектра вправо. В Австрии ксенофобия и национализм, которые отстаивает Австрийская партия свободы, фактически легитимированы. На парламентских выборах в октябре 2017 г. победила Австрийская народная партия, в ходе предвыборной кампании значимо усилившая антииммигрантскую риторику.

Завоевывают новые позиции на политической арене и леворадикальные партии. В январе 2015 г. к власти в Греции пришла партия «Сириза», созданная на основе троцкистской и коммунистической партий. Ее лидер 40-летний Алексис Ципрас возглавил правительство, которое находится у власти по сей день. Под впечатлением успехов «Сиризы» в Испании объединились крайне левые, троцкистские, антикапиталистические партии и движения. Они создали партию «Подemos» («Мы можем»), которая представлена в парламенте. Во Франции под влиянием испанского и греческого опыта Жан-Люком Меланшюном была создана Левая партия, а накануне президентских выборов – сетевое движение «Непокоренная Франция». В первом туре выборов за Меланшюна – небывалый рекорд для крайне левых – проголосовала пятая часть избирателей.

Усилилось влияние националистических, сепаратистских, борющихся за автономию своих регионов политических партий. В Каталонии в октябре 2017 г. по инициативе сепаратистов, возглавивших правительство автономии, и вопреки запрету центрального правительства был проведен референдум о независимом статусе региона (статья С.М. Хенкина). В Италии в октябре 2017 г. в двух регионах – Ломбардии и Венето – состоялись консультативные рефе-

² Цит. no: Krastev I. Pourquoi tout a changé // L'Obs. – P., 2017. – 15–21 juin, N 2745. – P. 92.

рендумы в поддержку большей автономии областей. За автономию Венето высказались 98,1%, за автономию Ломбардии 95,3% проголосовавших (статья Т.В. Зоной).

С начала XXI в. праворадикальные и леворадикальные партии во многих странах Западной Европы из несистемных превратились в системных политических акторов. Конвертация несистемности в системность в различных странах происходила по-разному, а где-то и вовсе не произошла. На сегодняшний день сложно представить, чтобы в ФРГ праворадикальная «Альтернатива для Германии» вошла в политическую коалицию с другими партиями. В стране, которая в 1930-е годы прошла через опыт фашизма, союз с правыми радикалами недопустим по политическим и моральным соображениям. Однако в будущем не исключено, что «стеклянный потолок» может быть разбит: сегодня депутаты от «Альтернативы для Германии» уже заседают в бундестаге, на выборах 2017 г. за АДГ проголосовали 12,6% избирателей.

В Австрии, в отличие от Германии, где масштабная денацификация не проходила, подобных политических и моральных ограничений не существует. Австрийская партия свободы возникла в 1950-е годов, и в обществе к ней относятся как к обычной партии. В декабре 2017 г. в стране создано коалиционное правительство, в которое вошли ее представители. Национальный фронт во Франции в начале 2010-х годов стал той партией, которая услышала чаяния социальных сил, оставленных на произвол судьбы всеми другими политическими структурами. Президентские выборы показали, что препятствия на пути Ле Пен к вершинам власти пока сохраняются, но при этом всё большее число французов рассматривают НФ как обычную партию.

Появление новых акторов на политической арене меняет конфигурацию политического пространства. В ряде стран Западной Европы, где существовала двухпартийная система, происходит переход к многопартийности. Площадкой политического эксперимента стала Италия, где переход от однопартийности к многопартийности начался еще в 1980-е годы. Значительно позже, в 2015 г., на парламентских выборах в Испании «Подemos» получил 21% голосов. Появились и другие политические партии и движения, успешно выступающие на выборах. «При этом, – пишет С.М. Хенкин, – реальная многопартийность не окрепла, партийно-политическая система находится на перепутье». К концу второго десятилетия XXI в. двухпартийная политическая система была сломана во Франции (статья Н.Ю. Лапиной). Одновременно появился шанс у центристов, которые на протяжении истории Пятой республики пытались найти собственное место в политическом пространстве (статья Д.В. Шмелёва).

На этом фоне исключением является Великобритания, хотя в последние десятилетия партийно-политическая структура и здесь была подвержена изменениям. В 1970-е годы в результате расширения прав регионов и побед, одержанных региональными партиями на выборах, жесткая биполярность эволюционировала в сторону большего плюрализма. При этом партийно-политическая система Великобритании продемонстрировала «способность приспосабливаться к стремительно меняющимся реалиям современного этапа развития» и остается достаточно устойчивой (статья И.Г. Ковалева). Двухпартийная система сохраняется и в Португалии, несмотря на то что начиная с 2011 г. в стране развивались мощные гражданские движения протеста и появились новые партии (Г.И. Кутырев).

С переходом от двухпартийности к многопартийности политическая неопределенность возрастает, всё сложнее партиям-победителям после выборов сформировать устойчивые правительственные коалиции. В Италии в течение десяти месяцев партии, победившие на парламентских выборах, не могли создать правящую коалицию. В ФРГ, где выборы в бундестаг прошли в сентябре 2017 г., создать правительственную коалицию к концу года так и не удалось. Несмотря на стремительные перемены, происходящие на политическом пространстве Западной Европы, вопрос о верности демократии не ставится. Даже правые и левые радикалы сегодня подчеркивают свою привязанность к существующему политическому порядку.

Российский опыт политического строительства сложно сравнивать с партийно-политической структурой западноевропейских стран. «Определяя точку развития, в которой находится партийная система сегодняшней России, придется констатировать, что мы не доросли до той стадии, которую страны Центральной и Восточной Европы переросли еще в 1990-е годы», – пишет Ю.Г. Коргунюк. Анализируя пространство противостояния в современной России, автор подчеркивает, что если в странах Европы социально-экономические вопросы «постепенно уступают место вопросам глобализации и международной интеграции, то наша повестка дня смотрит не в будущее, а в прошлое». А главное – в России до сих пор нет окончательного решения вопроса о том, по какому пути развиваться стране – демократическому или авторитарному (статья Ю.Г. Коргунюка).

Материалы журнала «Актуальные проблемы Европы» позволяют говорить о том, что политические процессы становятся всё более многомерными и непредсказуемыми. В политическом пространстве действуют новые акторы, тяготеющие к разнообразным формам социальной и политической активности. Политическому аналитику, чтобы понять новый меняющийся мир, нужны новые подходы и схемы анализа, которые на сегодняшний день находятся в стадии разработки.

Н.Ю. Лапина

«Восстание против элит»: Всплеск праворадикального популизма в Западной Европе

А.В. Белинский

Аннотация. В статье на примере трех партий – Австрийской партии свободы, французского Национального фронта, «Альтернативы для Германии» в ФРГ – исследуется феномен современного праворадикального популизма в Европе. Основываясь на анализе экономической и политической ситуации в странах Старого Света, а также политических программ этих партий, автор приходит к выводу, что праворадикальный популизм порожден кризисом «государства всеобщего благоденствия», миграцией из стран третьего мира, глобализацией и представляет собой «восстание против элит». Несмотря на наличие общих черт, национальные особенности оказали существенное влияние на путь каждой из трех партий. Рассматриваются возможные варианты противодействия праворадикальному популизму³.

Abstract. The article addresses the phenomenon of the modern radical–right populism in Europe, it covers the cases of three political parties («Freedom Party of Austria», «National Front», and «Alternative for Germany»). Based on the analysis of the economic and political situation in the countries of the Old World and on the political programmes of those parties, the paper assumes that the right-wing populism has been caused by the «Welfare State» crisis, migration from the Third-World countries as well as by globalization, and represents a «rebellion against elites». Despite the common features, national specificities have had a significant influence on the politics of each of the three parties. Possible ways of deterring the far-right populism are discussed.

Ключевые слова: праворадикальный популизм, Национальный фронт, «Альтернатива для Германии», Австрийская партия свободы, кризис либеральной демократии.

Keywords: radical-right populism, «National Front», «Alternative for Germany», «Freedom Party of Austria», crisis of liberal democracy.

В 1939 г. в США из-под пера Джона Стейнбека вышел роман «Гроздь гнева», ставший впоследствии мировым бестселлером. Лейтмотивом написанного в годы Великой депрессии произведения стали боль и отчаяние «маленького человека», переходящие в гнев и ярость против существующего миропорядка. «В душах людей наливаются и зреют гроздь гнева – тяжелые гроздь, и дозревать им теперь уже недолго» [Стейнбек, 2014]. Хотя финал самого романа остался открытым, спустя более чем 75 лет с момента публикации произведения созрели новые «гроздь гнева», дав плоды в виде невиданного со времен окончания Второй мировой войны роста праворадикального популизма, ксенофобии и ненависти к политическому и экономическому истеблишменту по обе стороны Атлантики.

И если нахождение националистических партий у власти в Польше и Венгрии чиновники Евросоюза и аналитики еще могли списать на незрелость демократии и национальные особенности, то начавшиеся с осени 2015 г. события в странах, до недавнего времени казавшихся бастионом свободы, повергли многих в шок. Речь идет о многотысячных демонстрациях «Пегида» (Patriotische Europäer gegen Islamisierung des Abendlandes – Патриотические европейцы против исламизации Запада) в Дрездене с требованием отставки канцлера Ангелы Меркель; победном шествии «Альтернативы для Германии» по немецким ландтагам; почти 34% голосов, отданных за лидера французского Национального фронта Марин Ле Пен во втором

³ Поскольку ни в специальной литературе, ни в СМИ до сих пор нет единого обозначения вышеуказанных партий (во Франции их называют правыми радикалами, в Германии – правыми популистами), то мы решили использовать термин «праворадикальный популизм» как обобщающий. Именно он в полной мере выражает сущность всех трех политических партий. – Прим. авт.

туре президентских выборов; Брексите и, наконец, неожиданной для всех победе Дональда Трампа.

Почему либеральная демократия, которая на протяжении многих лет считалась едва ли не идеалом государственного устройства, стала объектом ожесточенной критики, причем не где-нибудь, а у себя дома? Что побудило сотни тысяч людей, многие из которых еще вчера не проявляли никакого интереса к политике, поддержать праворадикальные популистские партии и движения? И, наконец, есть ли рецепт против «правого поветрия» в Европе? Будучи ограниченными рамками статьи, мы остановились на анализе ситуации только в трех странах Старого Света, в которых праворадикальные популисты добились существенных успехов: Франции (Национальный фронт), Австрии (Австрийская партия свободы) и ФРГ («Альтернатива для Германии»).

Праворадикальный популизм: идеологические установки

Понять недавние успехи праворадикальных популистских партий на выборах невозможно в отрыве от тех идей и лозунгов, с помощью которых их лидеры, подобно Гамельнскому крысолову из немецкой средневековой легенды, завлекают тысячи людей в свои сети. Оговоримся сразу, речь идет, как правило, не о тщательно разработанных интеллектуалами концепциях, а о достаточно эклектичном наборе идей, что, впрочем, можно считать скорее плюсом, чем минусом для самих «новых правых». Также необходимо отметить, что политический лексикон партий может существенным образом различаться. Это особенно отчетливо видно при сравнении ситуации в Западной и Восточной Европе⁴. Однако, несмотря на это обстоятельство, у всех праворадикальных популистских движений имеются общие родовые черты, позволяющие исследователям говорить об одном феномене. К ним можно отнести антиэлитный, антиевропейский, расистский дискурсы.

Тезис первый: народ против элиты

Первым тезисом современных праворадикальных популистов, вокруг которого выстраивается их концепция, является необходимость защиты «простого народа» от коррумпированной, оторванной от своих корней и некомпетентной элиты. «Базовым положением популизма, – отмечает Бритта Шеленберг (Университет Людвиг-Максимилиана, Мюнхен), – является то, что... “народ” существует как гомогенное тело и тем самым как целое» [Schelenberg, 2017]. При этом сами лидеры праворадикальных популистских партий сознательно выносят за скобки вопрос о том, кто относится к «народу», как и то, что интересы различных социальных групп не только не совпадают, но подчас могут противоречить друг другу. Это отчетливо видно на примере разгоревшегося в 2016 г. внутри «Альтернативы для Германии» («Alternative für Deutschland») спора относительно социально-экономической политики. В итоге руководство, чтобы не раскалывать партию и тем самым не сужать ее социальную базу, отложило этот вопрос до начала избирательной кампании в бундестаг [Amann, Bartsch, 2016, S. 22].

Народу противостоит политическая элита, которую лидер Национального фронта Ле Пен называет «некомпетентным политическим классом», неспособным найти решение таких проблем, как безработица и экономический кризис. Поток лжи элиты превращают «свои про-

⁴ Эти отличия проявляются, например, в отношении праворадикальных популистских партий к религии. Если для Австрийской партии свободы или «Альтернативы для Германии» этот вопрос играет скорее второстепенную роль, то польская «Право и справедливость» и венгерская «Фидес» активно подчеркивают значимость религии для страны. Так, в 2010 г. в Венгрии была принята новая Конституция, в которой говорится, что венгерский народ объединяют Бог и христианство. – Прим. авт.

валы в успехи, последовательные отступления в победы...» [Ле Пен, 2016(б), с. 202]. При этом отчуждению политического класса от народа придаются черты заговора, в котором самое активное участие принимают представители крупного капитала и ведущие СМИ. Лидеру НФ вторит «Альтернатива для Германии», которая обвиняет «лживую прессу» («*Liügenpresse*») в замалчивании преступлений мигрантов и сговоре с политической элитой [Aufstand der Ängstlichen, 2015, S. 19].

Праворадикальные популисты нередко склонны к сгущению красок, а порой и передергиванию фактов. Тем не менее антагонизм между элитой и обществом является отнюдь не «ветряной мельницей», с которой борются Марин Ле Пен или Александр Гауланд из «Альтернативы для Германии». В работах многих серьезных исследователей, занимающихся изучением экономической и политической истории Запада, красной нитью проходит тезис о «восстании элит»⁵ и предательстве ими демократии и интересов собственного народа. «Элиты, определяющие повестку дня, утратили точку соприкосновения с народом» [Лэш, 2002, с. 2], – писал профессор Кристофер Лэш в книге «Восстание элит и предательство демократии». Нарастающее отчуждение между правящим классом и обществом отмечают и такие авторы, как Томас Пикетти («Капитал в XXI в.»), Джозеф Стиглиц («Цена неравенства») и др.

Действительно, в конце 1970-х годов после «славного тридцатилетия» 1946–1975 гг. с его бурным экономическим и демографическим ростом, формированием обширного среднего класса на Западе началась эпоха неолиберализма, для которой была характерна максимальная либерализация рынков, прекаризация труда (нестабильность трудовых отношений, обусловленная либо краткосрочными трудовыми договорами, либо неформальной занятостью), сокращение социальных расходов и т.д. После крушения Советского Союза⁶ этот процесс существенно ускорился, что привело к ухудшению положения широких слоев населения, в первую очередь рабочих, отчасти среднего класса. Пропать между миром большой политики, большого бизнеса и миром «маленького человека» стала еще шире по двум причинам.

Во-первых, произошел отказ ведущих политических партий от своей идентичности, т.е. тех ценностей, которые когда-то составляли ядро их программ. Наиболее отчетливо эта тенденция видна на примере социал-демократических и социалистических партий, которые еще в 1970–1980-е годы выступали защитниками рабочего класса и социальных низов, а в 1990-х взяли на вооружение неолиберальные идеи⁷. Французская социалистическая партия (ФСП), как считает политолог и публицист Б. Кагарлицкий, «превратилась в ведущую неолиберальную силу, обслуживающую интересы финансового капитала» [Кагарлицкий, 2013, с. 108]. Именно такую смену парадигм пережили в 1990-е годы Лейбористская партия Великобритании при Тони Блэре, СДПГ при Герхарде Шрёдере, Демократическая партия США в президентство Билла Клинтона.

Во-вторых, постоянные коррупционные скандалы, в которых оказываются замешанными представители политического истеблишмента, подрывают и без того невысокое доверие к государству и политическим институтам. Это особенно характерно для Южной Европы и Франции, где в последние годы в адрес как правых, так и левых политиков, как из рога изобилия, сыплются обвинения в коррупции, темных сделках и т.д. Поэтому нет ничего удивительного, что, согласно социологическим опросам, 80% французов не доверяют своей политической элите

⁵ В 1994 г. была опубликована книга профессора К. Лэша «Восстание элит и предательство демократии». Выражение «восстание против элит», которое использовал автор в названии данной статьи, является парафразой заглавия книги.

⁶ Собственно, возникновение на Западе «государства всеобщего благоденствия» (*welfarestate* – англ.) было во многом обусловлено противостоянием двух военно-политических блоков и страха западных элит перед коммунистической революцией. С распадом Советского Союза и дискредитацией левой идеи необходимость в сохранении упора на социальную политику и развитие социального обеспечения отпала.

⁷ Само деление на «правых» и «левых», характерное для XIX и большей части XX в., в настоящее время устарело, и политическая борьба во многих странах ведется между «глобалистами» (системные партии) и «антиглобалистами» («почвенники», националисты, леворадикальные партии и движения).

[Schelenberg, 2017]. Не случайно нынешний президент Франции Эмманюэль Макрон во время своей избирательной кампании демонстративно дистанцировался от обеих ведущих политических партий («Республиканцы» и Французская социалистическая партия) и сделал ставку на созданное им движение «Вперед, Республика!» («La République en marche!»).

Нарастающий разрыв между истеблишментом и обществом стремятся заполнить праворадикальные популистские партии, которые представляют себя в качестве единственной силы, выражающей интересы общества. «Политики UMPS⁸, Демократического движения, Левого фронта, “зеленые” – все служат идеологии, приведшей к кризису, они ее применяют, оправдывают, защищают», – заявляет лидер Национального фронта [Марин Ле Пен, 2016(а), с. 160].

При этом, критикуя политику правящих кругов, праворадикальные популисты, во всяком случае формально, не ставят под сомнение саму идею представительной демократии и выборов. Более того, политическая борьба зачастую ведется под флагом защиты демократии и возвращения прав гражданам, попранных правящим классом. Именно в этой плоскости лежит одно из принципиальных отличий между «Альтернативой для Германии», выступающей за вынесение важных вопросов на референдум, и неонацистскими организациями наподобие Национал-демократической партии Германии, в принципе отрицающими демократию и выступающими за жесткое авторитарное государство во главе с национальным вождем.

Тезис второй: да – союзу народов, нет – Евросоюзу

Вторым тезисом праворадикальных популистов является критика Европейского союза, принципы которого, по их мнению, противоречат национальным интересам. Список претензий, выдвигаемый Брюсселю, достаточно велик и простирается от ограничения национального суверенитета, гибели отечественной промышленности до утраты национальной идентичности. В этом едины и Австрийская партия свободы, и Национальный фронт, и «Альтернатива для Германии». Однако, что касается путей решения проблемы, то здесь спектр мнений может существенно различаться. Если Марин Ле Пен выступала за полный выход из ЕС и отказ от евро, то «Альтернатива для Германии» пока ограничивается требованиями выхода из зоны евро и предоставления большей свободы членам ЕС.

Тезис третий: антиисламизм vs. расизм

Третьим тезисом праворадикальных популистов являются антиисламизм и требование радикального ограничения миграции в европейские страны. Хотя проблемы интеграции проживающих в Европе мусульманских общин, террора, связанного с радикальными исламскими группировками, и притока беженцев из неблагополучных стран (Ирак, Афганистан, Сирия) давно стоят на повестке дня в Старом Свете, попытки ультраправых активно играть на политическом поле либо не приносили особого успеха (Национал-демократическая партия Германии, Немецкий народный союз), либо такой успех носил ограниченный и непрочный характер (Австрийская партия свободы). В первую очередь, это было обусловлено тем, что такие партии прочно ассоциировались в сознании подавляющей массы населения с фашизмом, который для пережившей кошмар Второй мировой войны Европы до сих пор остается крайне болезненной травмой. И даже если в глубине души часть граждан и сочувствовала антимигрантским и антиисламским лозунгам, однако не решалась (или не могла) выразить открытую поддержку

⁸ Здесь имеет место игра слов. UMP (Union pour un mouvement populaire) – Союз за народное движение (переименован в «Республиканцев»), правоцентристская партия Франции. PS (Parti Socialiste) – Французская социалистическая партия. Обе партии до недавних пор играли ключевую роль в политической жизни страны. Аббревиатура UMPS, изобретенная Ле Пен, должна показать отсутствие каких-либо серьезных отличий между правыми и левыми.

праворадикалам, поскольку не разделяла полностью их взгляды или опасалась получить ярлык «фашиста». Эти обстоятельства обусловили ограниченность социальной базы праворадикальных партий и движений. Например, Национал-демократическая партия Германии в последние десятилетия не получала на парламентских выборах больше 1,5%.

Современные праворадикальные популисты Западной Европы пошли совсем другим путем, попытавшись сделать национализм и антииммигрантскую риторику привлекательной для широких социальных слоев и групп, включая средний класс. Если открыть книгу Ле Пен «Во имя Франции», которую можно рассматривать как программный документ Национального фронта, то мы увидим, что автор тщательно избегает возможных обвинений в расизме или ксенофобии по отношению к выходцам из Северной Африки или Турции. Во время избирательной кампании 2017 г. лидер НФ подчеркивала, что ее партия не выступает против иммигрантов, гражданский статус которых урегулирован. Проблема миграции рассматривается с социально-экономической точки зрения и объявляется злом на том основании, что ведет к снижению зарплат и ухудшению положения местных рабочих и в конечном итоге служит лишь интересам крупного бизнеса: «Опытный и критически мыслящий европейский рабочий будет заменен социально незрелым иммигрантом, единственным смыслом существования которого является рыночная булимия...» [Ле Пен, 2016(a), с. 94].

Другим аргументом против миграции из мусульманских стран, который праворадикальные популисты активно и не без успеха используют в дискуссиях с политическими оппонентами, является культурная несовместимость между нормами ислама и современной европейской цивилизации с ее принципами толерантности, равноправием мужчин и женщин и т.д. Подобного рода аргументация присутствует в программе «Альтернативы для Германии», провозглашающей, что ислам «несовместим со свободным демократическим устройством Германии» [Zuwanderung...]. Очищенный от примитивного биологического расизма, антисемитизма и всего того, что напоминает о Холокосте или мрачном времени национал-социализма, современный праворадикальный популизм становится «респектабельным» и привлекательным для многих граждан ФРГ, Франции или Австрии, которые еще совсем недавно чурались имен Жан-Мари Ле Пена или Йорга Хайдера, боясь подвергнуться обструкции со стороны соседей или либеральных СМИ.

Красное знамя на службе у правых

Исследователи феномена праворадикального популизма часто сводят его идеологию к национализму или антииммигрантской риторике, зачастую забывая о другой его стороне, а именно о социальной составляющей. Кризис «государства всеобщего благоденствия», неолиберальные реформы, молодежная безработица совпали с кризисом левых партий. Коммунисты были деморализованы и дискредитированы крушением Советского Союза, социал-демократы отказались от своих традиционных ценностей и приняли неолиберальные программы, перестав тем самым отличаться от своих оппонентов и фактически предав свой электорат – фермеров Шампани, рабочих сталелитейных предприятий Рура, шахтеров Йоркшира. Эти категории населения в итоге не только проиграли от глобализации, но и оказались оставленными без политической поддержки социалистами и социал-демократами, которые сделали ставку на жителей крупных городов и средний класс. В этой связи будет уместным вспомнить концепцию «новой середины» (Neue Mitte) Г. Шрёдера в преддверии выборов в бундестаг 1998 г., которая предполагала переориентацию СДПГ с рабочих на средний класс. В итоге социально незащищенные слои, а вместе с ними некоторые левые идеи были «подобраны» праворадикальными популистами и успешно использованы в борьбе за политическое влияние.

Едины в ненависти: социальная база праворадикального популизма

Можно выделить четыре группы, которые составляют социальную базу праворадикальных популистских движений. Как уже отмечалось выше, бывший «левый электорат» (промышленные рабочие, фермеры, сельскохозяйственные рабочие, безработные) оказался наиболее восприимчив к лозунгам евроскептиков и националистов. Эти социальные категории на сегодняшний день составляют от 25 до 40% электората правых популистов и являются ядром их партий. Так, согласно опросам общественного мнения, 32% рабочих и 37% безработных поддерживают Национальный фронт во Франции, в то время как за Союз за народное движение (в настоящее время – «Республиканцы») и Социалистическую партию Франции голосуют преимущественно представители более обеспеченных слоев населения [Guilluy, 2015, S. 108].

Примерно таким же образом обстоит дело в Австрии, где рабочие и безработные составляют две наиболее крупные группы среди избирателей Австрийской партии свободы [Pelinka, 2017]. И даже в ФРГ, где «Альтернатива для Германии» изначально задумывалась как партия среднего класса и предпринимателей, разочарованных политикой канцлера А. Меркель, некоторая часть рабочих и безработных выразила свои симпатии новой политической силе. «В Сааре это были соответственно 9 и 7%, в Шлезвиг-Гольштейне – 8 и 9%, в Северном Рейне-Вестфалии – 17 и соответственно 12% [Pfahl-Traughber, 2017].

Менее социально защищенные, эти группы населения больше всего пострадали от неолиберальной политики в 1980–1990-е годы. И если их первоначальный протест против ухудшающегося положения выражался сначала в отказе от голосования, то с появлением и подъемом праворадикальных популистских партий у них появился рупор, с помощью которого они могут донести свои претензии до политического истеблишмента.

Если гнев в отношении политики правящих элит, миграции и скептицизм к ЕС со стороны низших слоев населения понятны и очевидны, то иначе обстоит дело со средним классом, представители которого являются второй социальной группой поддержки правых радикалов. На сегодняшний день эта группа пока немногочисленна. Что толкает вполне благополучных людей, которые еще недавно голосовали за традиционные партии или вовсе не интересовались политикой, в объятия Герда Велдера и Фрауке Петри? Хотя на сегодняшний день их материальное положение пока еще стабильно, у них нет уверенности в своем будущем и будущем страны. Теракты в европейских городах, проблема интеграции мигрантов, угроза потери работы или прекаризации труда в сочетании с резкими изменениями в экономике наглядно показали, что эпоха стабильности ушла в прошлое.

О динамике изменений настроений в ФРГ можно судить по социологическим опросам. В начале 2015 г. опрос, проведенный журналом «Der Spiegel», показал, что 43% немцев высказывали опасения, что из-за наплыва беженцев из Сирии вырастет безработица; также страх вызывал возможный всплеск преступности (51%) и терроризма (54%) [Aufstand..., 2015, S. 27]. Результаты другого опроса, проведенного уже в 2016 г., отчетливо свидетельствовали о том, что 57% граждан ощущают бессилие и невозможность что-либо изменить в собственной стране. Причем среди сторонников «Альтернативы для Германии» эта доля достигала 88% (!) [Amann, 2016, S. 17].

Третья группа, пусть численно и незначительная, но достаточно заметная на общем фоне, представлена электоратом ультраправых экстремистов или даже неонацистами, чьи взгляды более радикальны, чем официальные программы праворадикальных партий. Интеграция этих групп в партийные структуры праворадикальных партий шла двумя путями. В первом случае правые радикалы сами стояли у истоков создания партии (Австрийская партия свободы, Национальный фронт) или вступили в нее, когда она приобрела популярность («Альтернатива для Германии»). Наиболее отчетливо эта тенденция видна в Восточной Германии,

где бывшие члены мелких неонацистских организаций «Свобода» (Die Freiheit), «Республиканцы» (Republikaner), «Альянс независимых граждан – Бранденбург» (Allianz Unabhängiger Bürger – Brandenburg) пополнили ряды «Альтернативы для Германии», для того чтобы пробиться в большую политику, а заодно и навязать свои взгляды соратникам по партии. Так, по подсчетам исследователей, на выборах в ландтаг Бранденбурга в 2014 г. «Альтернатива для Германии» сумела заручиться поддержкой 40 тыс. избирателей, голосовавших ранее за неонацистские партии (НДПГ, Немецкий народный союз, «Республиканцы» и др.) [Botsch, Корке, Lorenz, 2015, S. 150].

Реакция лидеров праворадикальных популистов на приход в партийные структуры людей с неонацистскими взглядами была различной. Например, Гердт Вилдерс, зная отношение голландцев к любым проявлениям нацизма, выстроил структуру своей Партии свободы таким образом, что ее единственным членом, согласно уставу партии, является он сам, члены фракции в парламенте, депутаты муниципалитетов формально не являются членами партии. Это было сделано для того, чтобы в нее не проникли неонацистские элементы, которые могли бы дискредитировать ее. Примечательно, что Вилдерс попытался максимально дистанцироваться от некоторых «коллег по цеху» (М. Ле Пен и Й. Хайдера), заявив, что не имеет с ними ничего общего. Во Франции Ле Пен, после того как взяла бразды правления в Национальном фронте в 2011 г., постаралась дистанцироваться от бывших соратников отца, а затем и от него самого ради обновления имиджа НФ.

Гораздо сложнее складываются отношения между неонацистами и партийным руководством «Альтернативы для Германии». Хотя на официальном уровне лидеры партии всячески отрешиваются от каких-либо связей с ними, однако, как отмечают Кристоф Корке и Александр Лоренц, был зафиксирован всего лишь один случай, когда партийное руководство наказало одного из региональных руководителей за расистские высказывания. Речь идет о Яне-Ульрихе Вайсе, руководителе окружной организации в Укермарке, который «на своей странице в Facebook опубликовал антисемитскую карикатуру и назвал проходившее в Мюнхене судебное разбирательство по делу “Национал-социалистического подполья” “показательным процессом”» [Botsch, Корке, Lorenz, 2015, S. 156]. Очевидно, это связано с тем, что верхушка «Альтернативы для Германии» не желала вступать в конфликт с региональными организациями в «новых» землях, боясь раскола или потери голосов на выборах.

И наконец, четвертую группу, поддерживающую праворадикальные популистские партии, составляют представители истеблишмента. Строительный магнат и миллиардер Дональд Трамп, глава медиаимперии и футбольного клуба «Милан» Сильвио Берлускони, Андрей Бабиш, один из богатейших предпринимателей Чехии и одновременно лидер популистской «Акции недовольных граждан», Александр Гауланд, бывший в 1980-х годах соратником обер-бургомистра Франкфурта Вальтера Вальмана, а затем ставший одним из лидеров «Альтернативы для Германии». Объяснение этого, на первый взгляд, парадоксального факта достаточно простое. Дело в том, что часть буржуазии (в первую очередь промышленники) недовольны складывающимся миропорядком, поскольку производимая ими продукция не выдерживает конкуренции с более дешевыми китайскими или индийскими товарами⁹. Этот фактор вкупе с наличием политического или управленческого опыта, финансов и образования обусловил то обстоятельство, что во главе праворадикальных популистских партий нередко оказываются представители высших слоев.

Как видим, социальная база праворадикальных партий и движений достаточно разнородна, однако эти слои объединяет одно: неприязнь к «старым» партиям, проводимой им политике, неприятие глобализации и массовой миграции. Таким образом, современный пра-

⁹ Не случайно во время президентских выборов в США Д. Трамп поддерживали промышленники и ВПК, в то время как его соперницу Х. Клинтон – финансовый и банковский капитал.

ворадикальный популизм – это «восстание против элит» той части общества, которая воспринимает новый складывающийся миропорядок и неолиберальную политику правительств как угрозу своему благополучию. Однако при этом положение праворадикального популизма в партийно-политической системе своей страны, их стратегия и тактика могут сильно различаться, в чем можно убедиться на конкретных примерах.

Три пути – одна цель: Австрийская партия свободы, Национальный фронт, «Альтернатива для Германии»

Австрийская партия свободы – третья «народная партия»

Австрийская партия свободы (Freiheitliche Partei Österreichs) стала наследницей Союза независимых (Verband der Unabhängigen), политической организации, созданной после Второй мировой войны и объединившей бывших нацистов, в том числе и членов СС. Причем создание подобного рода организации было бы невозможно без поддержки Социал-демократической партии Австрии, которая рассчитывала на то, что новая организация сможет «откусить» часть электората у правоцентристской Австрийской народной партии. И хотя новая партия регулярно на выборах проходила в парламент, стабильно занимая третье место (от 6 до 11%), а в начале 1980-х годов даже участвовала в правительственной коалиции с социал-демократами, ее позиции в партийно-политической системе страны были в целом недостаточно сильны, чтобы поколебать монополию на власть Социал-демократической партии Австрии (Sozialdemokratische Partei Österreichs) и Австрийской народной партии (Österreichische Volkspartei).

Ситуация стала кардинально меняться с 1986 г., когда партию возглавил Йорг Хайдер, чья харизма и лидерские качества, по мнению большинства исследователей, способствовали стремительному росту популярности националистов. Не отрицая в целом этот тезис, нужно в то же время отметить ряд качественных изменений в программных установках Австрийской партии свободы, которые в конечном счете и стали залогом ее успеха.

Если для Союза независимых и ранней Австрийской партии свободы был характерен великогерманский национализм (признание немцев и австрийцев одним народом), то при Хайдере и его последователях партия стала всё больше выступать с позиций австрийского патриотизма. Сам Хайдер был, пожалуй, одним из первых праворадикальных политиков в Старом Свете, сумевшим уловить «дух времени» и нащупать темы, которые в недалеком будущем станут визитной карточкой всех праворадикальных популистских партий: острая критика политической элиты, евроскептицизм, антииммигрантская риторика вкупе с апелляцией к социальным проблемам.

Время от времени председатель партии делал провокационные высказывания о Второй мировой войне: в 1995 г., выступая в парламенте, он назвал нацистские концентрационные лагеря «исправительными» (Straflager), а на встрече в Крумпендорфе с ветеранами Второй мировой, среди которых были и военнослужащие войск СС, обратился к ним как к «людям с характером, которые остались верны своим идеалам»[Tóth, 2015, S. 63]. Тем не менее курс на обновление Австрийской партии свободы и превращение ее из организации бывших нацистов в третью «народную партию» был очевиден.

В 2000 г. на пике популярности Австрийской партии свободы удалось второй раз в своей истории войти в правительство, заключив соглашение с Австрийской народной партией, что вызвало международный скандал. Выход Й. Хайдера из партии в 2005 г. из-за разногласий с соратниками и создание им новой организации Альянс за будущее Австрии (Bündnis Zukunft

Österreich) на время ослабили национал-популистский лагерь. Однако после его гибели в автокатастрофе в 2008 г. и избрания на пост председателя партии Хайнца-Кристиана Штрахе партия вновь смогла укрепить свои позиции.

Курс на обновление продолжился. В 2011 г. Штрахе вместе с Филиппом Девинтером («Фламандский интерес») и немецким борцом против строительства мечетей Рене Штаткевицем даже совершил поездку в Израиль, где встретился с ортодоксальными поселенцами, которых европейские популисты рассматривают как потенциальных союзников в борьбе с исламистами [Tóth, 2015, S. 63]. По результатам прошедших 15 октября 2017 г. парламентских выборов партия набрала 27,4% и в настоящее время ведет переговоры с Австрийской народной партией о создании правительственной коалиции. 18 декабря 2017 г. была сформирована правительственная коалиция, в которой АПС получила шесть министерских постов.

Национальный фронт – стратегия дедемонизации

Если Австрийской партии свободы достаточно быстро удалось занять прочное место на крайне правом фланге политической системы и даже дважды побывать в правительстве, то история Национального фронта развивалась гораздо более драматично и сложно. Основанной в 1974 г. бывшим участником войны в Алжире Жан-Мари Ле Пенем партии пришлось с самого начала столкнуться с серьезной обструкцией как со стороны общественности, так и политического истеблишмента. В отличие от Австрии, где националисты уже изначально располагали существенной электоральной базой и могли играть на противоречиях между двумя крупными партиями, обвинения в правом экстремизме, фашизме и наследии режима Виши фактически сделали Национальный фронт маргинальной группировкой. О том, какое отторжение партия вызывала у обычных граждан, можно судить хотя бы по тому факту, что Ле Пен, юрист по образованию, долгое время не могла устроиться в адвокатское бюро, поскольку никто не хотел иметь дело с дочерью основателя профашистской партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.